

Яницкий О. Н.

Социология КРИТИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Яницкий Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором социально-экологических исследований Института социологии РАН.

Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Тел.: +7 (499) 128 33 32

Аннотация. В статье обосновывается необходимость развития социологии критических состояний общества как самостоятельной отрасли социологического знания (краткое название: критическая социология), определяется предметная область интересов данной дисциплины, излагаются теоретико-методологические позиции, рассматриваются возможные сферы практического применения знаний данной отрасли социологии. Автор основывает предлагаемую им новую отрасль социологического знания на концепции «общества всеобщего риска», разработанную им в 1980–90-х гг. Предметом исследования здесь являются: силы, генерирующие подобные ситуации; их диспозиция, ресурсы и политическая мощь; их ценностные ориентации, стратегия, тактика и репертуар действий; степень и формы изменения социального капитала пострадавших людей; изучение посткритических состояний местных сообществ и методы их реабилитации. Необходимыми предпосылками развития этой отрасли социологического знания являются: постоянное взаимодействие представителей естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, что необходимо для установления взаимопонимания между ними; способность такого междисциплинарного коллектива попеременно играть роль инсайдера и аутсайдера в отношении конкретной критической ситуации; длительный перманентный мониторинг её эволюции.

Ключевые слова: социология критических состояний общества, теория и методы изучения, предметные области, СМИ, социальная практика.

Обоснование необходимости

Современный мир, по определению У. Бека, Э. Гидденса и С. Лэша, стал неопределённым, некалькируемым и трудно предсказуемым. Эпоха «спокойного солнца» (1960–80-е гг.) ушла в прошлое. Соответственно, ушли в прошлое и поиски средств создания «устойчивого общества» и модели «устойчивого развития» [Beck, 1992; Beck, Giddens and Lash, 1994; Brundtland and Khalid, 1987]. В настоящее время западные социологи и политологи интенсивно изучают «критические инфраструктуры» российского общества [см. подробнее: Руннониemi, 2012].

С первых лет XXI века началась «эпоха турбулентности», то есть новый этап передела мира, сопровождаемый силовым политическим давлением, экономическими санкциями, этнополитическими конфликтами, распадом казавшихся

ещё недавно незыблемыми социальных структур, а также ресурсными, информационными и геополитическими войнами [Яницкий, 2011]. *Сегодня состояние критической, то есть чрезвычайной, ситуации есть норма, рутинная составляющая общественного организма.* Поэтому наряду с поисками теорий и практических мер по ослаблению и разрешению социальных конфликтов, поисками общественных площадок для диалога и нахождения компромисса между противоборствующими сторонами возникает задача изучения критических состояний общества как самостоятельной отрасли социологического знания (далее — критическая социология).

Областью интересов критической социологии является совокупность теоретических знаний и методических приёмов, направленных на изучение катастрофических периодов динамики современных обществ, часто заканчивающихся их распадом или деградацией (движением вспяť). Этим критическая социология отличается от изучения кризисных состояний, которые, как правило, относительно кратковременны и преходящи. Исходная методологическая позиция сводится к следующему: критические состояния общества как неустраняемый момент современной фазы всемирно-исторического процесса. Наряду с интенсивной глобализацией социально-экономических процессов, процессами интеграции и взаимовыгодного обмена в мире идут противоположные процессы социальной дезинтеграции, деградации и распада местных сообществ и целых государств. Локальные критические состояния быстро приобретают глобальный характер, а глобальные — локализуются. Поэтому перед мировой и, в том числе российской, социологией стоит задача совместного, комплексного изучения этого двуединого процесса. «Маркёром» любых критических состояний является резкое изменение (слом) существующего социального порядка.

Предметные области познания этой новой отрасли социологического знания должны определяться в ходе возникновения таких критических состояний. Всякая новая предметная область — это ответ на вызов резкого изменения состояния общества. Сегодня такими предметными областями являются крупные экологические или техногенные катастрофы, процессы социальной дезинтеграции и деградации государств и местных сообществ, вооружённые конфликты (внутренние или внешние), революции и государственные перевороты. Иными словами, все те процессы, которые в совокупности ведут к изменению социального порядка на планете, новой расстановке социальных и политических сил, резкому изменению направления и потоков природных и человеческих ресурсов, изменению климата планеты.

Предметные области – широкое теоретическое понятие. В практике социолог всегда имеет дело с конкретными объектами и предметами изучения. Под объектом изучения понимается *критическое состояние некоторого общества (или сообщества) как процесса* с акцентом на структуры и процессы изменения (распада, трансформации, возникновения новых сил и сообществ), характерные для его различных фаз. Предмет изучения – силы, создавшие критическую ситуацию, их мощь и расстановка; состояние умов; поведение различных групп людей в критических ситуациях; изменение состава и качества человеческого материала; длительность и характер течения критического состояния; формы посткритических состояний и методы их реабилитации. В недавнем прошлом такими критическими состояниями, на наш взгляд, были Чернобыльская катастрофа, распад СССР, чеченские войны, война с Грузией («принуждение к миру»), «цветные революции» на постсоветском пространстве, Арабская весна (2011–12), украинский кризис (2013–14), перманентный кризис в Ираке и Афганистане и многие другие. Несмотря на различия в месте, масштабе и характере этих критических состояний их общей чертой является *невозможность возврата* вовлечённых в них государств и сообществ в их прежнее состояние.

Наконец, сферы использования и применения полученных результатов: познание закономерностей современной фазы социально-исторического процесса, изучение причин и последствий возникновения критических состояний общества, разработка мер по предупреждению, смягчению их последствий и реабилитации (социальная политика).

Исходные теоретические положения

Исходные теоретические положения были сформулированы более десяти лет назад: не только отдельные государства и сообщества, но и мир в целом превращается в *общество всеобщего риска* [Beck, 1992, 1999; Yanitsky, 1988, 2000, 2000a; Яницкий, 2003, 2004b]. Это означает, что:

1. На планете производство рисков «обгоняет» производство необходимых человеку благ, превращая эти блага в опасные для человека отходы.
2. На планете Земля уже не осталось абсолютно безопасных, то есть стопроцентно пригодных для жизни человека и природы мест. Есть места только *более или менее безопасные*. Некогда богатый и относительно стабильный Север сегодня постоянно подвергается инвазии обнищавших и потерявших кров огромных масс населения Юга, тем самым угрожая разрушением его, Севера, социального порядка и культуры.
3. «Несущая способность» (*carrying capacity*) среды обитания человека давно превышена. Поэтому эта среда всё более превращается из поглотителя рисков в их производителя. Поскольку среда обитания человека и всего живого не имеет

границ, происходящие в ней метаболические процессы несут угрозу здоровью и жизни людей, живущих на расстоянии в тысячи километров от места катастрофы. Причём степень этой угрозы может даже возрастать при движении источника опасности (например, радиоактивного загрязнения) по мере его прохождения в разных средах.

4. Для учёного-социолога особенно важна суть критического состояния, которая заключается в том, что любая катастрофа разрушает существующий социальный порядок и устанавливает свой собственный, ранее неизвестный. Уроки революции 1917 г. и «далекодействие» последующих политических и социокультурных трансформаций в России и мире в целом изучены всё ещё недостаточно.

Есть *три временные ретроспективы* критического состояния любого общества. В *долгосрочной ретроспективе* такое состояние представляется мне как очередной цикл передела мира, продолжение распада биполярного мира и его превращение в многополярный. В *среднесрочной ретроспективе* это состояние есть продолжение распада социальной системы, построенной на принципах властной вертикали и ручного управления. Наконец, *ситуативно* оно есть реакция большинства населения (как это происходило недавно на Украине) на его бедность, безработицу, отсутствие жизненных перспектив и социальной мобильности, а главное — это его реакция на подавление гражданских прав и свобод. Состояние — «невозможно больше терпеть» — важный социально-психологический фактор возникновения подобных ситуаций.

Изменение роли научного знания

Критические состояния общества связаны с изменением роли научного знания в его жизни. Как показывает новая и, особенно, новейшая история, наука из инструмента познания и просвещения постепенно превратилась в средство силовой политики. Идеи Просвещения без демократизации общества оказались нежизнеспособными. Британские социологи, изучая социальную роль научного знания в современном обществе, пришли к однозначному выводу, что исследователь должен руководствоваться принципом «следуй за актором» (*follow the actor*) [Irwin, 2001; Irwin and Wynne, 1995]. Собственно говоря, общество риска возникает тогда, когда научное знание (как общечеловеческая ценность и наука как социальный институт) теряет своё императивное значение как производителя *общего блага человечества*, превращаясь в подсобный инструмент геополитики, проводимой государствами-нациями и надгосударственными институтами типа Всемирного банка

или Международного Валютного Фонда как во всемирном масштабе, так и в отношении отдельных государств-наций. В условиях общества всеобщего риска мировая наука сегодня практически разделилась на политически ангажированное большинство, снабжающее экспертным знанием современное капиталистическое производство, и меньшинство политически независимых экспертов, стремящихся продолжать традиции Просвещения, но в соединении с идеями демократии, справедливости и общественного участия. Как отмечал Ч. Тилли, в начале XXI века большинство человечества всё ещё не имело возможности создания социальных движений как способа артикуляции их жизненных нужд [Tilly, 2004: 125]. Однако сегодня мир полон социальных движений самого разного направления и масштаба, что вовсе не означает, что их результатом явился более справедливый и стабильный социальный порядок. Напротив, если обратиться к итогам так называемой Арабской весны 2011–12 гг., то мы увидим процесс *консервации критического состояния*, сопровождающийся вспышками насилия и локальных войн [подробнее об основных характеристиках законсервированного «критического случая» см.: Яницкий, 2003, гл. 8]. Поэтому если социология сегодня в очередной раз попытается обойтись без фундаментальных концепций, объясняющих причины возникновения и сущность «критических состояний обществ», развиваясь только «короткими перебежками» малых грантов или «заданий вышестоящих органов», то цель «устойчивого развития» окажется просто недостижимой. Более того, в среднесрочной перспективе страна и мир могут оказаться в ситуации ползучей (а возможно и внезапной) глобальной катастрофы.

Уровни и динамика социально-политической активности

Таких уровней с обеих сторон, по крайней мере, шесть: локальный, региональный, национальный, межнациональный, (суб)континентальный и международный. Причём эти уровни отличаются не только территориальным масштабом и/или административным статусом, но, главное, — своим социально-политическим «весом» и уровнем легитимности своих полномочий. При этом легитимность каждого уровня социально-политической активности оценивается противоборствующими сторонами по-своему. Поэтому столь удобный и повсеместно принятый в западной социологии инструмент анализа социально-политических конфликтов — *структура политических возможностей (political opportunity structure)* — здесь неприменим. В чём, собственно говоря, и состоит одна из важнейших характеристик подобных критических ситуаций: каждая из сторон оценивает обозначенные выше уровни легитимности (локальный, региональный и т. д.) исходя из собственных интересов.

Политическая суть критической ситуации заключается в том, что в отличие от конфликтов между работниками и работодателями, когда обе стороны действуют в рамках установленного (и признаваемого обеими сторонами) право-

порядка, здесь противоборствующие субъекты требуют легитимации *ими же установленной* (и, по их мнению, более справедливой) структуры политических возможностей. И, не дожидаясь её легитимации, исходят из неё как единственно возможной и законной. Ситуация становится ещё более неопределённой (и противоречивой) вследствие интернационализации конфликта, когда, например, США, НАТО или ЕС действуют, исходя из принятых в этих государствах (или их конгломератах) норм гражданского, уголовного и международного права.

Поэтому чем больше игроков участвует в данном конфликте, тем более неопределённой (и спорной) становится структура политических возможностей для действий каждого коллективного субъекта социального действия. Так, договорённости, достигнутые 17 апреля 2014 г. в Женеве на надгосударственном уровне по «де-эскалации украинского кризиса», во-первых, были слишком общи и их ещё предстояло конвертировать в конкретные действия на местах. А, во-вторых, эти договорённости не учитывали *требований и политического веса* противоборствующих сторон на местах. Таким образом, мы снова сталкиваемся с классической проблемой социологии и политологии: несовместимости взглядов на конфликт «сверху» и «снизу». Но если нет признанной всеми сторонами (и уровнями) структуры политических возможностей для групп и движений, оппозиционного режиму, то нет и общего социального порядка, а есть причудливое соседство нескольких, порой несовместимых социальных порядков. К сожалению, как уже неоднократно отмечалось российскими и иностранными аналитиками, такая ситуация рассогласования позиций «верха» и «низа» в территориальных общностях различного масштаба создаёт ситуацию «управляемого хаоса», что всегда выгодно основным глобальным геополитическим игрокам. Так, транснациональные организации (НАТО и др.) заинтересованы в развитии конфликта на Украине, так как это оправдывает их существование и консолидирует членов этого военно-политического альянса перед лицом ими же сконструированного «врага с Востока». Тем не менее, с теоретической точки зрения данная ситуация не столь однозначна, поскольку подобные конфликты представляют собой *механизмы выработки новых* (или модифицированных) *принципов* социального порядка разного уровня. Было бы к тому реальное, а не декларативное желание.

Теперь – о динамике. В течение полугода на Украине поменялось буквально всё: президент, структура и политическая ориентация власти, отношения между западом, центром и востоком страны, произошла мобилизация групп населения, ранее не проявлявших политической активности. Подобные же события и процессы происходили в ходе других «цветных революций». И, наконец, конфликт

перешёл в фазу вооружённого противостояния: киевская власть объявила о начале контртеррористической операции на юго-востоке страны. Таким образом, легитимный социальный порядок (законодательно закреплённые правила игры) остался в основном на бумаге. Одновременно достаточно быстро шёл процесс кристаллизации новых политических субъектов и их активизация на публичной арене с целью легитимации выдвигаемых ими политических требований. Речь, прежде всего, идёт о «правом секторе», с одной стороны, и силах гражданской самообороны («народного ополчения») — с другой. «Правый сектор» опирался на поддержку части властных и олигархических структур в центре, тогда как силы самообороны — на местное население, их единомышленников, прошедших войну в Афганистане, Чечне, Приднестровье и других горячих точках.

Эта хаотичность и мозаичность конфликта многократно усугублялась потоком сообщений корреспондентов СМИ, каждый из которых оценивал общую картину из точки своего конкретного места нахождения. Место и время источника информации здесь имели решающее значение. И всё же несколько трендов в течение названного периода проявились. *Первый* — фактический распад легитимной центральной власти и появление множества претендентов на главенствующую роль в ней на ближайших президентских и парламентских выборах. *Второй* — «эффект домино», когда «майдан», с одной стороны, и «локальная народная революция», с другой стороны, распространились на ряд городов и регионов юго-востока Украины. Причём последняя форма народного политического самовыражения не только распространилась, но и под угрозой её силовой «зачистки» модифицировалась в военно-политическую силу. *Третий* — вовлечение в этот конфликт третьих сил, включая международные организации как гражданские, так и военные. *Четвёртый*, и вероятно, самый главный, — вхождение Крыма в состав РФ, что снова актуализировало так и нерешённый международным правом ещё со времён окончания Второй мировой войны вопрос о соотношении территориальной целостности государств-наций и права наций на самоопределение. И, наконец, публично не проговариваемая, но явная для РФ и сотрудничающих с ней государств опасность распространения «эффекта домино» как на эти страны, так и на республики, входящие в состав самой России. Как показала новейшая история, подобная опасность реально существует, причём она всё чаще конструируется внешними силами для развала неудобных для них авторитарных режимов на постсоветском пространстве. Названные факторы ещё более увеличивают нестабильность и непрогнозируемость ситуации на субконтиненте.

Роль СМИ и характер информационной войны

Речь идёт об информационной войне в СМИ, то есть ориентированной на изменение общественного мнения. *Во-первых*, сегодня информационная война — неустрашимый сопутствующий элемент любого социально-политического кри-

зиса, тем более, если он переходит в фазу вооружённого противостояния. Более того, информационная война есть инструмент создания критических ситуаций, то есть она, как правило, начинается задолго до возникновения реального конфликта между социальными сообществами, государствами и их «кластерами». Даже в годы разрядки международной напряжённости и недавней «перезагрузки» в отношениях между США и РФ она продолжалась. Поэтому *информационные войны – константа современных международных отношений*, эти войны могут лишь ослабляться или принимать более скрытые формы.

Во-вторых, в основе любых малых и больших информационных войн лежит соответствующая интересам «нападающего» картина мира (система ценностных постулатов), на основе которой потом интерпретируются все последующие события в остальном мире. Поэтому система ценностей в руках «нападающего» – её мощное оружие.

В-третьих, неотъемлемой характеристикой этих войн является манипулирование сознанием «противника», которое осуществляется при помощи двух основных инструментов: переключения (*switching*) и перепрограммирования (*reprogramming*) потоков информации [Arsenault and Castells, 2008]. Практически повсеместное отключение каналов российского телевидения на Украине – яркий тому пример. При этом никакие дискуссии по конкретному информационному поводу не допускаются. Эксперты и очевидцы с обеих сторон стремятся «разоблачить мифы», созданные противоположной стороной [см., например, Доброхотов, 2014]. Поэтому дискурс этих войн всегда директивный (дефинитивный), утвердительный, а не диалогический или рефлексивный.

В-четвёртых, 90% информационных войн основывается на парадигме «свой–чужой» («мы–они», «друзья–враги»), тем самым сознательно упрощая картину отношений внутри современного сверхсложного общества [Кравченко, 2012]. Обратная сторона этой медали – мобилизация общества или противоборствующих групп, обретения ими морально-политического единства, часто ложного, но необходимого для достижения превосходства «своих» над «чужими». Исторической формой информационной войны является кропотливое и последовательное выстраивание негативного образа «чужого» посредством комбинации полуправды и лжи, замалчивания одних фактов истории и выпячивания других. Поставщиками такой полуправды и лжи являются как политически ангажированные журналисты и публичные фигуры, так и зависимые от власти уважаемые учёные.

В-пятых, главным тактическим приёмом подобной войны является нанесение «упреждающего удара», исходя из расчёта, что любые последующие опровержения «противника» уже никогда не будут при-

няты во внимание международным общественным мнением. Эти опровержения отсекаются, искажаются и просто замалчиваются западными СМИ. И если историку через 20–30–50 лет удаётся опровергнуть такую информационную ложь, то на уже далеко ушедший вперёд исторический процесс это не будет иметь никакого влияния.

В-шестых, «картинка» или информационный ряд всегда определённым образом эмоционально нагружаются. Информационная война – это не столкновение потоков объективной информации. Это война на развенчание, подавление или переубеждение противоположной стороны, в которой используются эмоциональные клише, рассчитанные на лёгкость их усвоения массовым сознанием вероятного противника. Недаром в таких «сражениях» часто употребляется лексикон уличного или криминального сленга.

Возможно ли познание исторического процесса социологически?

Это – кардинальный для нашей темы вопрос. Так, в ходе «цветных революций» перемены исторического масштаба происходили невероятно быстро: *сегодняшнее настоящее уже завтра становилось историческим прошлым*. Тем самым, исторический и социологический анализ если не совпадают, то значительно сближаются. Каковы же необходимые предпосылки такого сближения?

Во-первых, нужно знание предшествовавших всякой критической ситуации исторических трендов. История новой России после распада СССР параллельно изучается историками и социологами уже в течение 25 лет. Однако это всего лишь необходимый, но недостаточный информационный фундамент, потому что мы являемся свидетелями очередного поворота исторического процесса.

Во-вторых, отсюда следует, что исторический тренд распада социалистической системы необходимо проанализировать с точки зрения возможности появления в нём «точек бифуркации» и/или качественного поворота. Мир, частью которого являются и Украина, и Россия за эти 25 лет стал качественно иным. Поэтому столь распространённая концепция «зависимости от прошлого» или «укоренённости в прошлом» (*path dependence*) требует проверки на новом эмпирическом материале.

В-третьих, чтобы изучать современный быстротекущий исторический процесс методами социологии, необходимо разработать социологическую модель, на основе которой можно анализировать и предсказывать динамику этого социально-исторического процесса. Очевидно, что теоретически такая модель должна охватывать всю «генеральную совокупность» внутренних изменений и внешних воздействий, которые формируют весь спектр трендов, разворачивающихся в данном ареале, а не только в рамках государственных границ. Западные политики снова настойчиво продвигают уже неоднократно ими опробованную модель

«цветной революции» и, тем самым, формируют расстановку сил в стране и потоки ресурсов извне. Это – вполне политтехнологическая модель, только обряженная в демократические одежды. Однако, как показали последние события на Украине, эта модель оказалась неадекватной сложившейся ситуации.

Теперь – самый главный для социолога-теоретика вопрос: какими эмпирическими методами обеспечить тестирование этой качественной модели? На мой взгляд, опросы общественного мнения здесь непригодны: общественное мнение или уже «зомбировано» СМИ, или же недостаточно осведомлено о ситуации даже в соседней области. Подобные исследования внутри страны, находящейся в кризисе, также непригодны: население раздроблено, дезориентировано и также «зомбировано» своими СМИ. Вообще, от общества, находящегося в состоянии хаоса и напряжения, нельзя получить устойчивой картины мнений – она будет слишком ситуативной, сиюминутной. Даже если до начала событий опросная сеть существовала, то кризис, если не уничтожил её, то резко изменил. Наконец, социологи всегда действуют в условиях неполноты информации. Если даже методически выборка будет безупречной, то *политический вес мнений* респондентов никогда не учитывается.

Некоторые результаты может дать *серия экспертных опросов*. И это вполне реальный, соответствующий скорости текущих перемен и не очень дорогой путь. Но опять же, трудно себе представить, что в стране найдётся достаточное число экспертов, находящихся именно в тех точках кризисного социального пространства, которые могут снабдить конструкторов данной модели адекватной информацией для её верификации. Будут также серьёзные проблемы с физической доступностью этих экспертов, степенью их информированности, образованности, способности рефлексировать в критических обстоятельствах и т. д. Кроме того, опыт привлечения СМИ тех или иных учёных в качестве экспертов *со стороны* (из России или из-за рубежа) показывает, что такие эксперты подбираются скорее по статусным соображениям, нежели по степени их действительной осведомлённости о ситуации на местах.

Сегодня реальным и доступным источником требуемой социологам информации являются журналисты. Их достаточно много для информационного покрытия интересующего нас кризисного пространства, они быстро проникают в самые «горячие точки», имеют необходимую степень защищённости и оперативно выдают информацию. Главная проблема в том, что они стремятся проникнуть именно в «горячие точки», поэтому их не очень интересует ситуация в других, относительно спокойных местах. А для верификации модели

социального процесса нужны данные из *самых разных* точек этого пространства, в том числе из тех, где пик кризиса уже пройден и наступила следующая фаза состояния социальной ткани общества (её реабилитации, стагнации или распада). Однако журналистам всегда нужен «информационный повод», сенсация, поэтому они тут же переходят к следующей «горячей точке», тогда как социологу нужна, прежде всего, именно динамика (событий или мнений населения). Другая проблема части журналистского корпуса — в его политической ангажированности.

Наконец, в упомянутых выше и других методиках, как правило, *не учитывается* «качество человеческого материала», его человеческий и социальный капитал, который за последние 25 лет в большинстве постсоветских стран значительно снизился. Важной составляющей этого капитала является способность к самоорганизации населения. Однако сегодня наблюдается противоположный тренд: его растущая социальная и политическая маргинализация. Поэтому, в частности, качество результатов массовых опросов резко снижается.

Сказанное выше не означает, что традиционный инструментарий изучения *социальных движений*, включая движения протеста, здесь неприменим. На Украине, как и во многих других странах, есть сегодня лидеры протестных групп (или групп «самообороны»); идёт борьба групп интересов; действуют активисты разного типа (боевики, члены групп самообороны, волонтеры, наконец, члены неопознанных вооружённых формирований). Существует развитая инфраструктура их ресурсного и информационного обеспечения (местная или внешняя). Есть также колеблющиеся, неопределившиеся и «нейтралы» (*bystanders and on-lookers*). Всегда есть и «выжидатели», готовые поживиться результатами побед той или иной стороны, не прикладывая при этом никаких усилий (*free riders*). И, наконец, всегда присутствует сугубо апатичный (асоциальный) слой местного населения.

Всё дело в том, что вследствие постоянно меняющихся внутренней и внешней ситуаций в этом «хаосе» постоянно совершается броуновское движение. «Верх» может стать «низом», случайно или сознательно; лидеры с «переднего края» могут уйти на время в тень и т. д. Возможны также перемещения всех видов ресурсов, как по вертикали, так и по горизонтали.

Неопределённый мир — непознаваемый социум?

Что же — современный быстротекущий социально-исторический процесс непознаваем в принципе? Нет, он познаваем, но при наличии двух предпосылок теоретического и методического характера. Первая заключается в необходимости *непрерывного сотрудничества* научных сил и политических субъектов разного уровня и политического веса. Концептуального аппарата современной социологии здесь уже недостаточно — анализ возможен лишь при помощи динамического «кластера» научных дисциплин, причём, на мой взгляд, геополитика приобре-

тает в этом анализе главенствующую роль. Вторая, не менее сложная, состоит в необходимости мобилизации социологом всех возможных инструментов из его методического арсенала.

О чём свидетельствует данный «кейс»? *Во-первых*, очевидно, что включённое наблюдение невозможно, да и бессмысленно, по указанным выше причинам. Быстрое и хаотичное изменение ситуации *in situ*, высокий уровень недоверия к любым «чужакам», перепроизводство политических заявлений и деклараций на фоне полной закрытости конфликтующих сил для углублённого социологического анализа — всё это говорит в пользу невозможности использования данного метода. В этой ситуации наличие на месте «своего», глубоко законспирированного инсайдера было бы идеальным случаем. Но, как правило, таких людей в этом «кипящем котле» страстей нет, или их очень мало, а возможности их нормальной работы ограничены самой кризисной ситуацией.

Во-вторых, как сторонники федерализации, так и их противники пока не знают, чего они хотят конкретно. Сама по себе самостоятельность области или региона ничего не решает, поскольку сегодня любая стратегия развития некоторого территориального образования должна быть локально-глобальной. Локальный кризис не имеет разрешения вне более широкого экономического и политического контекста.

В-третьих, тезис, что сегодня события на Украине уже «вершит История» (Д. Быков) ошибочен. Что это значит? Случай? Трагическое стечение обстоятельств? Чтобы новейшую историю этой страны вершила бы не мистическая История, нужен как минимум постоянный и конкретный диалог противоборствующих сторон, а как максимум — «дорожная карта» разрешения кризиса, о чём так часто говорят наши западные оппоненты. Только не их диктат, а именно дорожная карта, которая является результатом «переговорной демократии» (*deliberative or discursive democracy*), о которой западные политики, вовлечённые в кризис на Украине, сегодня почему-то молчат [Fishkin and Luskin, 2005]. Центральными моментами этого процесса (а не единовременного акта) являются дискуссия, многостороннее обдумывание, взвешивание аргументов и вообще — чрезвычайная осторожность и осмотрительность в принятии решений. Неслучайно эту модель принятия решений называют *дискурсивной*, то есть предполагающей длительный и взвешенный диалог сторон. Подобный диалог предполагает, что в его ходе будут максимально проявлены позиции сторон (особенно, если речь идёт о мнении простых граждан), затем будет совместно выработана «дорожная карта» и лишь потом приняты решения. Очевидно, что речь идёт о ступенчатом процессе. Замечу, что идея «переговорной демократии» не противоречит принципам ни прямой, ни представительной демократии.

Однако, как заметил известный историк и социолог социальных движений Ч. Тилли, этот процесс разрешения кризисов характерен для стран с устоявшимися демократическими институтами. Для большинства стран на постсоветском пространстве (и в мире в целом, достаточно вспомнить «Арабскую весну») распад сверхцентрализованных режимов совсем не обязательно вёл к подъёму социальных движений как к средству утверждения демократии. Для многих из них было характерно лидерство авторитарного типа, культ харизмы и утверждение программ, учитывающих мнение меньшинства и вообще ограничивающих общественное участие [Tilly, 2004: 125, 148, 152]. События на Украине в апреле 2014 г. демонстрируют иные тренды: курс на единоначалие и централизацию оппозиционных сил на юго-востоке страны, отсутствие желания у киевской власти вести не только диалог, но вообще вступать в какие-либо переговоры с ними, готовность развязать полномасштабную гражданскую войну.

Для эмпирического анализа критической ситуации есть, правда, ещё один путь: поиск инсайдеров-экспертов (западные социологи их называют гражданскими экспертами), которые сформировались *уже в ходе* развития самой критической ситуации. Но их опять же очень мало, и они тут же становятся политическими активистами, то есть принимают ту или иную сторону противостоящих сил, что для объективного социологического наблюдения опять же нежелательно. Журналисты же снабжают социологов и общество «точечным» и сугубо ситуативным знанием, поскольку их пребывание на территории конфликта краткосрочно и подчинено чаще всего информативным, а не аналитическим целям.

Общий вывод заключается в том, что привычный для современного социолога арсенал исследовательских методик и инструментов пригоден лишь для *относительно устойчивого социального порядка*. Любые массовые опросы имеют смысл только в относительно стабильном обществе. Для анализа кризисных и, тем более, революционных ситуаций его возможности крайне проблематичны. То же можно сказать и о чрезвычайно распространённых сегодня опросах экспертов. При всей их внешней убедительности, они не дают валидного знания. Во-первых, эксперты, как правило, политически ангажированы, а, во-вторых, ситуация на всех обозначенных выше уровнях конфликта, включая местный, меняется слишком быстро. В принципе *нужна динамическая модель ситуации, адекватная происходящим на месте событиям*. Но кто, когда и как скоро её сможет построить (и опробовать) – вопрос открытый.

Социальная политика в посткритический период

Следует различать социальную политику, проводимую государством и обществом в условиях (относительно) стабильного социального порядка, и социальную политику восстановительных и реабилитационных работ в условиях разрушенного (или нового и ещё не установившегося) социального по-

рядка. В последнем случае, как показал опыт глобальных катастроф (Чернобыль, Фукусима-1), социальная политика начинается с комплекса неотложных мер гуманитарной помощи, направленных на сбережение жизни и имущества пострадавшего населения. Но даже и в этом, последнем случае политика реабилитации будет более успешной, если она будет, насколько возможно, учитывать сложившиеся формы быта и образа жизни пострадавшего населения.

Мировой опыт показывает, что если гуманитарная помощь надолго превращается в единственный ресурс жизни пострадавшего населения, то оно деморализуется, иждивенческие настроения усиливаются и, в конечном счёте, вырастает поколение «вечных иждивенцев», презирающих повседневный труд и умеющих только стрелять (и тем шантажировать своих благотворителей). Таким образом, пострадавшие не должны рассматриваться только как реципиенты помощи («пациенты»). Те, кто может работать, должен участвовать в восстановительных и реабилитационных работах. И, что не менее важно, участвовать в принятии решений относительно объёма и порядка восстановительных работ, хотя бы в рамках своего города или посёлка. Принципы демократического участия должны сохраняться даже в столь критических ситуациях (конечно, при помощи и контроле со стороны профессионалов). *В критических условиях право знать и право участвовать в принятии решений не отменяется!* Более того, как свидетельствуют недавние события на Украине, даже во время спорадических военных действий (так называемых боестолкновений) и в промежутках между ними активная часть пострадавшего населения принимала участие в действиях по минимизации ущерба (тушении пожаров, разборке завалов, оказании помощи раненым и пострадавшим). Местная власть должна быть заранее осведомлена о числе и возможностях местных активистов (добровольцев). А это, в свою очередь, означает, что эта власть должна постоянно заниматься формированием корпуса таких добровольцев.

Социальная политика всегда зиждется на целом комплексе научно-практического знания и столь же сложном комплексе организационных мер. Собственно социальная политика есть некоторый совокупный результат всех теоретических знаний и практических умений. Причём их *мобилизация* в широком её понимании – здесь ключевое слово. Другое ключевое слово – *мобильность* местного населения, как в смысле его подвижности, так и в плане владения разными навыками восстановительных работ. Эти два понятия действительно ключевые, ибо всякая социальная катастрофа на какое-то время устанавливает свой (неизвестный ранее) социальный порядок, когда спасатели и гражданские активисты должны быть готовы к действиям

в новых условиях. Другая причина такой необходимости — это возникновение ранее неизвестных форм социально-экологического метаболизма, о котором речь шла в предыдущей статье [Яницкий, 2013]. *Во-вторых*, каждый вид критического состояния общества, его продолжительность, разрушительная сила и т. д. требуют определённого набора работ, ресурсов, логистики и др. *В-третьих*, какими силами будет осуществляться эта социальная реабилитация? Наводнения, лесные пожары последних лет показывают, что она не может быть осуществлена каким-то одним ведомством (организацией). Требуются согласованные усилия многих организаций и ведомств, а, значит, они должны быть отмобилизованы и обеспечены необходимыми ресурсами заранее. Снова становится актуальным вопрос о логистике, согласованности их действий, наличии (или необходимости создания временной) инфраструктуры. *В-четвёртых*, как показали события в России и по всему миру, серьёзную силу в восстановлении и/или реабилитации составляют добровольцы и волонтёры. Ценность этой части активного гражданского общества состоит в том, что они уже замотивированы на срочную помощь, обладают опытом поисковых и спасательных работ и постоянно обучаются в ходе накопления этого опыта действием (*learning by doing*) [Яницкий, 2013; Downty and Allen, 2011; Murphy, 2009]. *В-пятых*, опыт посткатастрофной реабилитации показывает, что эффективность реабилитационных мер зависит от того принципа (плана), по которому осуществляются восстановительные работы. Хотя некоторая часть населения, как правило, покидает место катастрофы, всё же пострадавшее большинство предпочитает остаться на прежнем месте. Более того, оно хочет, чтобы жизнь была восстановлена, и в максимально прежнем виде. Как показали наши исследования, чувство «малой родины», стремление к её воссозданию — весьма серьёзный фактор успешной социальной политики по реабилитации здоровья и условий жизни населения. Отсюда учёт местных социальных связей и специфики среды обитания — серьёзное средство социальной политики в районе катастрофы. *В-шестых*, создание и функционирование *сетевых систем* (сайтов, форумов) активной частью населения, находящегося вне зоны поражения, есть важный инструмент самоорганизации социальной политики.

Сегодня население не только должно освоить нормативы ГТО, но уметь реально включаться в восстановительные и реабилитационные работы. Как показали наши исследования во время лесных пожаров 2010–11 гг., эти критические социальные сети, создаваемые самими гражданами, по окончании восстановительных работ могут «свёртываться» (замирать) или использоваться для вполне мирных целей (образования, обмена информацией, в качестве службы знакомств, и т. д.). Но при необходимости — снова восстанавливаться именно как сети человеческой взаимопомощи и гражданской обороны. В идеале сети государственных и гражданских спасателей и волонтёров должны работать в тесном взаимодействии. А для этого нужны площадки для налаживания взаимопонимания и обмена опытом (семинары, учения, сборы, имитационные игры, моделирование критических ситуаций).

Выводы

В периоды относительной стабильности (а также восстановления, реабилитации, реконструкции, реновации) лидируют такие дисциплины как социология и социальная антропология. Тогда как в эпохи нестабильности, критических ситуаций и глобальных трансформаций (передела мира, ресурсных войн, силовых операций) верх берут геополитика как наука и политическая (силовая) практика. В первом случае усилия и ресурсы человечества направлены на совершенствование уже достигнутого, тогда как во втором — на силовой передел мирового социального порядка и перераспределение ресурсных потоков.

Неопределённость, некалькулируемость и непредсказуемость развития современных критических ситуаций резко сужает возможности их собственно научного анализа. *Научное, в том числе социологическое, знание* как ценность и как средство умножения общего блага *вытесняется политикой* как инструментом достижения целей противоборствующих групп. Политическое давление, санкции или прямое насилие берут верх над социологическим знанием. Слоган «политика есть сила» довлеет. Международные и национальные институты, первоначально служившие обмену мнениями и достижению согласия, всё больше превращаются в инструменты политического давления и принуждения.

Информационные войны наносят «упреждающий удар», за которым следуют вполне материальные санкции в отношении вероятного противника. Так или иначе, *информационные войны есть важнейший инструмент достижения тех или иных политических результатов*. В СМИ ведутся информационные войны не только против политических институтов, но и против социальных движений и отдельных личностей. В интернет-сетях ведутся не менее ожесточённые информационные войны.

То, что происходило в течение осени-весны 2013–14 гг. на Украине, на мой взгляд, не является ни социальным движением (в классическом понимании этого термина), ни «народной революцией». Это — совокупность самых разных форм стихийного протеста и организованных извне действий. Если первые не имеют ни чётко артикулированных целей, ни программы, ни общего лидера, тактики и стратегии, то вторые, напротив, пытаются реализовать уже опробованную ранее модель «цветной революции». Современная ситуация в постсоветских странах развивается в контексте общей деградации сложившегося мирового социального порядка, острой фазы борьбы за передел сфер влияния в мире. Украина сейчас находится в эпицентре борьбы за новый социальный порядок на евро-азиатском субконтиненте. Единой схемы социологической интерпретации критических трансформаций на постсоветском пространстве не существует. Тем самым подтверждается

тезис об их локально-глобальном характере. Внутри социологического сообщества должен быть сформирован корпус исследователей, готовых работать в условиях чрезвычайных ситуаций.

В долгосрочной ретроспективе текущая критическая ситуация представляется как очередной цикл геополитического и геоэкономического передела мира. Ключевым моментом здесь является продолжение распада биполярного мира и его превращение в многополярный, причём характер, геополитическая структура, политический и экономический вес его отдельных элементов изменяются неопределённым образом.

В собственно научном плане для разрешения подобных ситуаций нужна многоуровневая динамическая модель, адекватная происходящим в стране и мире событиям. Модель, основанная на принципах релевантного знания и «переговорной демократии». Для чего необходимо соединение социологического знания, политической воли и демократического действия.

Список литературы

Доброхотов Р. 7 мифов об Украине. Эхо Москвы. 07 марта. 2014 // [Электронный ресурс] Радио Эхо Москвы URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/dobrokhотов/1274166-echo/> (дата обращения: 05.11.2014).

Кравченко С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: Изд-во «МГИМО-Университет». 2012. — 306 с.

Яницкий О. Н. Социология риска. М.: Издательство LVS. 2003. — 192 с.

Яницкий О. Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал, 2004. № 1/2. С. 199–205.

Яницкий О. Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5–15.

Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность, 2011. № 6. С. 155–164.

Яницкий О. Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика, 2013. № 3. С. 16–32.

Arsenault A. and Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics // International Sociology, 2008. 23(4). P. 488–513.

Bauman Z. Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge, UK: Polity Press. 2004. — 152 p.

Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London: SAGE. 1992. — 260 p.

Beck U. Ecological Enlightenment. Essays on the Politics in the Risk Society. New Jersey: Humanities Press. 1995.

Beck U. World Risk Society. Malden, MA: Polity Press. 1999.

Beck U. Re-mapping Inequality and Power in an Age of Climate Change: The Emergence of 'Cosmopolitan' Risk Communities. Lecture at the ISA World Congress of Sociology, 11–17 July, 2010. Gothenburg, Sweden. 2010.

Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford University Press. 1994. – 225 p.

Brundtland G. and Khalid M., eds. Our Common Future. The World Commission on Environment and Development. Oxford, N. Y: Oxford University Press. 1987.

Dowty R. A. and Allen B. L., eds. Dynamics of Disaster. Lessons on Risk, Response and Recovery. London, Washington, DC: Earthscan. 2010.

Fishkin J. S. and Luskin R. C. Experimenting with a democratic ideal: Deliberative polling and public opinion // Acta Politica, 2005. 40 (3). P. 284–298.

Irwin A. Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge. Malden, MA: Polity. 2001. – 224 p.

Irwin A. and Wynne B., eds. Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology. Cambridge: Cambridge University Press. 1996.

Murphy R. Leadership in Disaster. Learning for a Future with Global Climate Change. Montreal: McGill-Queen's University Press. 2009. – 417 p.

Pynnoniemi K. Russian critical infrastructures. Helsinki: The Finnish institute of international affairs. 2012. – 124 p.

Tilly Ch. Social Movements. 1768–2004. London: Paradigm Publishers. 2004. – 194 p.

Yanitsky O. Modernization and Globalization from the Perspective of a Transition Society // Sociological Theory and the Environment. Proceedings of the 2nd Woudshoten Conference. Amsterdam: SISWO. 1988. P. 165–84.

Yanitsky O. Russian Greens in a Risk Society. A Structural Analysis. Helsinki: Kikimora Publications. 2000. – 290 p.

Yanitsky O. Sustainability and Risk: The Case of Russia. Innovation: The European Journal of Social Sciences. 2000. Vol. 13 (3), P. 265–277. (a)

Sociology of critical states of society: theoretical and methodological problems

Yanitsky Oleg Nikolaevich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Sector of Socio-Ecological Research, Institute of Sociology of Russian Academy of Science. Krzhizhanovskogo str., 24/35, korpus 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Abstract. The author substantiates the necessity of developing the ‘sociology of the critical states’ (in short, critical sociology) of a society as an independent branch of sociological knowledge. Western sociology is still focused on the models of a sustainable society (sustainability), whereas the situation of a critical, that is, urgent state has become a normal state of various communities and societies across the world. The common feature of a diversity of such states is an impossibility to return to the initial state. The economic and/or political crises may experience ups and downs, but the critical areas are still mushrooming elsewhere. The theoretical and methodological base of the new branch of sociology is the concept of a ‘society of all-embracing risk’ proposed and developed in 1980–90s by the author of this article. The subject matter of the proposed discipline are the forces that generate the critical situations; their disposition, resources and strength; their values, strategies, tactics and action repertoire; a space-time dimension of the emergence and evolution of such situations; a changing quality of the social capital of affected people, locals and refugees; and characteristics of post-critical states and methods of their rehabilitation. The indispensable prerequisites for establishing such a discipline are as follows: full-time integration of various natural, technical and social professionals; this close collaboration is the condition for translation from one scientific language to another; a capability of such an interdisciplinary team to play in turn a role of insider and outsider in relation to a critical situation; and a long-term and permanent monitoring of its evolution.

Keywords: sociology of critical states of communities and societies, the concept of ‘society of all-embracing risk’, media, multidisciplinary, full-time integrators, bottom-top approach.

REFERENCES

Dobrokhotov R. 7 mifov ob Ukraine. [7 myths about Ukraine]. Ekho Moskvyy. 07 marta. 2014 [Elektronnyi resurs] Radio Ekho Moskvyy URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/dobrokhotov/1274166-echo/> (data obrashcheniya: 05.11.2014). (In Russ.).

Kravchenko S. A. Stanovlenie slozhnogo obshchestva: k obosnovaniyu gumanisticheskoi teorii slozhnosti. [Formation of a complex society, to the justification of the humanistic theory of complexity]. M.: Izd-vo «MGIMO-Universitet». 2012. – 306 p. (In Russ.).

Yanitskiy O. N. Sotsiologiya riska. [Sociology of risk]. M.: Izdatel'stvo LVS. 2003. – 192 p. (In Russ.).

Yanitskiy O. N. Modern i ego otkhody. [Modern and waste]. J. Sotsiologicheskii zhurnal. 2004. № 1/2. S. 199–205. (In Russ.).

Yanitskiy O. N. Rossiya kak obshchestvo riska: metodologiya analiza i kontury kontseptsii. [Russia as a risk society: the methodology of analysis and outlines the concept]. J. Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2004. № 2. S. 5–15. (In Russ.).

Yanitskiy O. N. «Turbulentnye vremena» kak problema obshchestva riska. [“Turbulent Times” as a problem of risk society]. J. Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2011. № 6. S. 155–164. (In Russ.).

Yanitskiy O. N. Metabolicheskaya kontseptsiya sovremennogo goroda. [Metabolic concept of the modern city]. J. Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. 2013. № 3. S. 16–32. (In Russ.).

Arsenalt A. and Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics // International Sociology, 2008. 23(4). P. 488–513.

Bauman Z. Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge, UK: Polity Press. 2004. – 152 p.

Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London: SAGE. 1992. – 260 p.

Beck U. Ecological Enlightenment. Essays on the Politics in the Risk Society. New Jersey: Humanities Press. 1995.

Beck U. World Risk Society. Malden, MA: Polity Press. 1999.

Beck U. Re-mapping Inequality and Power in an Age of Climate Change: The Emergence of 'Cosmopolitan' Risk Communities. Lecture at the ISA World Congress of Sociology, 11–17 July, 2010. Gothenburg, Sweden. 2010.

Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford University Press. 1994. – 225 p.

Brundtland G. and Khalid M., eds. Our Common Future. The World Commission on Environment and Development. Oxford, N. Y: Oxford University Press. 1987.

Dowty R. A. and Allen B. L., eds. Dynamics of Disaster. Lessons on Risk, Response and Recovery. London, Washington, DC: Earthscan. 2010.

Fishkin J. S. and Luskin R. C. Experimenting with a democratic ideal: Deliberative polling and public opinion // Acta Politica, 2005. 40 (3). P. 284–298.

Irwin A. Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge. Malden, MA: Polity. 2001. – 224 p.

Irwin A. and Wynne B., eds. Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology. Cambridge: Cambridge University Press. 1996.

Murphy R. Leadership in Disaster. Learning for a Future with Global Climate Change. Montreal: McGill-Queen's University Press. 2009. – 417 p.

Pynnoniemi K. Russian critical infrastructures. Helsinki: The Finnish institute of international affairs. 2012. – 124 p.

Tilly Ch. Social Movements. 1768–2004. London: Paradigm Publishers. 2004. – 194 p.

Yanitsky O. Modernization and Globalization from the Perspective of a Transition Society // Sociological Theory and the Environment. Proceedings of the 2nd Woudshoten Conference. Amsterdam: SISWO. 1988. P. 165–84.

Yanitsky O. Russian Greens in a Risk Society. A Structural Analysis. Helsinki: Kikimora Publications. 2000. – 290 p.

Yanitsky O. Sustainability and Risk: The Case of Russia. Innovation: The European Journal of Social Sciences. 2000. Vol. 13 (3), P. 265–277. (a)

